ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ
PROBLEMS OF ONOMASTICS

Valery A. Amirov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Functional Features of Onomastic Units in the Military Discourse of the Donbass Conflict

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 1, pp. 237–250
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012

Language of the article: Russian

Амиров Валерий Михайлович
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Особенности функционирования ономастических единиц в милитарном дискурсе вооруженного конфликта на востоке Украины

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 237–250
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012

Язык статьи: русский

Downloaded from: http://onomastics.ru

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. Виноградова Российской АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012
УДК 070.1:355.01 + 355.012(477.6) +
+ 004.032.6 + 81’373.46

В. М. Амиров
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

В статье на значительной эмпирической базе публикаций российских и украинских СМИ анализируются особенности функционирования ономастических единиц в милитарном медиадискурсе конфликта на востоке Украины — в Донецкой и Луганской областях. На примерах материалов газет «Комсомольская правда», «Известия», «Новая газета», «Независимая газета», Российского информационного агентства «Новости», информационных агентств «Интерфакс» и РЕГНУМ, информационного портала «Новое время», украинских русскоязычных ресурсов «Интерфакс-Украина», «Главред», «Аргумент», «Гордон», широко и последовательно в течение нескольких лет освещавших события боевых действий в Донбассе, выделены, классифицированы и проанализированы ономастические единицы, присутствующие в печатных и сетевых материалах журналистов, ставших в соответствии с редакционным заданием свидетелями боевых действий. Для анализа представлены такие единицы, как *Донецкая Народная Республика* (*ДНР*), *Луганская Народная Республика* (*ЛНР*), *Луганда*, *Донбабве*, *Дебальцевский котёл*, *Иловайский котёл*, *ОРДЛО* («отдельные районы Донецкой и Луганской областей»), *Новороссия*, *«Одесская хатынь»*, а также имена полевых командиров, ставшие неотъемлемой частью медиадискурса конфликта, — *Моторола*, *Бес*, *Гиви*. Исследована роль онимов в дискурсивной практике журналистов, посвященной вооруженному внутриукраинскому конфликту, влияние этих ономастических единиц на формирование у читателей общей картины вооруженного конфликта на территории Донбасса. Особое внимание уделено

© Амиров В. М., 2021

функционированию онимов (милитарионимов, топонимов, антропонимов) как структурообразующих элементов дискурсивного пространства боевых действий на востоке Украины. Представленный анализ и его результаты могут быть полезны при рассмотрении медиадискурса вооруженных конфликтов различной этиологии и интенсивности.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, журналистика, масс-медиа, милитарный дискурс, милитарионимы, хрононимы, топонимы, антропонимы.

Развитие российского милитарного медиадискурса, под которым понимается совокупность публикаций отечественных СМИ, посвященных боевым действиям, ставит на повестку дня проблему изучения того, как в этом дискурсе функционируют ономастические единицы. Их функционирование имеет ряд особенностей, связанных с историческим и политическим бэкграундом противостояния сторон, технологиями информационной войны, пропагандистскими аспектами журналистских публикаций, а также присутствием в публикациях СМИ оценок и характеристик, зависящих от личностного восприятия боевых действий и их последствий самими журналистами.

Рассматривая классифицирующие признаки военного медиадискурса, А. В. Уланов разделяет дискурс институциональный (реализующийся в рамках институций, относящихся к вооруженным силам) и неинституциональный (представляющий собой эмоционально-оценочную, разговорно-бытовую интерпретацию военных событий, реалий и лиц, характеризующийся активной субъективной коммуникативной интеракцией) [Уланов, 2014]. Медиадискурс вооруженных конфликтов как часть военного дискурса также может быть институциональным (ввиду присутствия в материалах, выносимых на суд общественности, характеризующих определений — *война*, *вооруженный конфликт*, *враг*, *поражение*, *победа* и т. д.) и неинституциональным — персональным, «личностно-ориентированным» [Карасик, 2000] (поскольку он включает в себя дискурсивные практики журналистов, работающих непосредственно на линии боевого соприкосновения воюющих сторон, а в публикациях СМИ присутствует несомненное авторское начало).

Другая особенность милитарного медиадискурса вооруженных конфликтов — его ритуализированность. Н. М. Татарникова пишет о том, что дискурс — это «типизированная последовательность речевых актов с относительно конвенциональной или ритуализированной структурой» [Татарникова, 2012, *89*]. К проблематике ритуализованности милитарного медиадискурса можно отнести и реализуемую в нем когнитивную модель «Сказка о справедливой войне», выделенную и описанную американским исследователем Дж. Лакоффом также и в двух других вариантах — «Сказка о спасении» и «Сказка о самозащите» [Lakoff, 1991; 2004]. А. В. Олянич, отмечая, что «физическое устранение противника возможно только при формировании “праведного гнева” масс, который необходимо на этого противника направить, дабы одержать победу» [Олянич, 2003, *121*], констатирует,

таким образом, несомненное влияние на милитарный медиадискурс политических аспектов, пропагандистских стратегий и технологий информационной войны.

Анализируя материалы, относимые к милитарному дискурсу вооруженных конфликтов, некоторые исследователи подчеркивают, что «базовой функцией репортажа, включающего всестороннее освещение боевых событий, является беспристрастное обнародование актуальной информации, ее концептуальная репрезентация под определенным углом зрения» [Чернышева, 2018, *68*].

Среди ономастических единиц, функционирующих в милитарном медиадискурсе вооруженных конфликтов, обычно выделяют хрононимы — имена собственные, которые называют «определенные отрезки времени, важные для человеческого общества тем, что в них локализовано какое-либо событие или события, характеризующиеся определенными тенденциями» [Подольская, 1978, *162*], и милитарионимы — имена, «называющие военные события (войны, сражения, битвы)» [Фатеева, 2018, *57*], а также топонимы и антропонимы.

Представляется интересным и актуальным рассмотреть функционирование ономастических единиц в милитарном дискурсе вооруженных конфликтов последнего времени, широко освещаемых в российских СМИ. Для этой цели мы проанализировали более 300 публикаций, в той или иной степени репрезентирующих события боевых действий на востоке Украины. Для анализа были взяты публикации системообразующего государственного СМИ — РИА «Новости», традиционно поддерживающих внешнеполитический курс РФ газет «Комсомольская правда», «Известия», «Независимая газета», оппозиционной газеты «Новая газета», независимых информационных агентств «Интерфакс» и РЕГНУМ. Для обеспечения объективности исследования в числе прочих были рассмотрены материалы украинских СМИ: информационного агентства «Интерфакс-Украина», русскоязычных сетевых ресурсов «Главред», «Аргумент» и «Гордон». Политический спектр изученных публикаций видится, таким образом, достаточно репрезентативным для осуществления задуманного исследования.

Публикации отбирались по ключевым словам «вооруженный конфликт на Украине», «Донецкая Народная Республика», «Луганская Народная Республика», «война в Донбассе», «Новороссия» за период с февраля 2014 г. (начало конфликта) по настоящее время. Всего в предлагаемом исследовании представлено 45 фрагментов публикаций.

Особо важным топонимом, функционирующим в медиадискурсе вооруженного конфликта на востоке Украины, является *Новороссия*: «В Новороссии неприятие, мягко говоря, украинских порядков настолько значимо, что становится очевидно: чтобы вернуть ее к себе, Киеву придется выжечь страну огнем» (Известия, 29.12.2015); «Екатеринбург, кажется, единственный город в России, где флаг Новороссии развевается прямо на главной улице» (РИА «Новости», 20.04.2015); «Но ни оружие, ни инструкторы, ни деньги, ни террор, ни ложь западных СМИ не обеспечат Киеву победы над Новороссией» (Там же); «Слова

о государственности Новороссии президентом России сказаны. Самое время теперь определить условия, в которых, как мы должны быть абсолютно уверены, она выживет, принесет мир, залечит раны и не пустит неонацизм на нашу землю» (ИА РЕГНУМ, 02.09.2014). В данном случае речь идет о возвращении топонима, вышедшего из активного ономастикона в начале XX в. и обозначавшего в официальном дискурсе в разные периоды отечественной истории Новороссийскую губернию, Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство, а в обыденном — территории несколько губерний — Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую.

Возвращение топонима в милитарный дискурс вооруженных конфликтов можно рассматривать в контексте пропаганды, представляющей часть территории Украины исконно российскими землями, оказавшимися за пределами российских границ в результате незаконных действий и вопреки логике исторического процесса. Топоним имеет особую коннотацию, позволяющую сконструировать идеологическое противопоставление Новороссии Украине, которой приписываются националистические и даже нацистские настроения. Новороссия представляется не только как политико-географическое образование, но и как форпост, призванный не допустить чуждую идеологию на землю «большой» России. Контекст фиксирует и зависимость существования государственности Новороссии от России.

Использование топонима призвано также показать временность нахождения востока Украины вне юридического пространства Российской Федерации, окончательность отторжения от Украины, начало процесса по интеграции ДНР и ЛНР в «большую Россию», неизбежность такой интеграции: «Если вы хотите решать проблему, то решайте. Если нет — то мы пойдем своим путем, и никто Москве, Донецку и Луганску в этом не в состоянии будет помешать <…> Сложившаяся к концу февраля в Донбассе ситуация показала, что Киев не имеет ни властных, ни политических, ни экономических, ни военных ресурсов вернуть республики Новороссии в свой состав ни на прежних, ни на каких вообще условиях. И решения руководства Новороссии только оформили отсутствие украинской власти на земле Донбасса» (ИА РЕГНУМ, 23.03.2017).

Топоним *Новороссия* используется в текстах СМИ, в той или иной степени отражающих официальную позицию Российской Федерации, и находится в оппозиции с топонимом-аббревиатурой *ОРДЛО* («отдельные районы Донецкой и Луганской областей»), используемым в украинских и российских оппозиционных СМИ, которые продолжают рассматривать восток Украины в составе этого государства: «Согласно обнародованным в субботу данным, в то же время 34,8 % жителей ОРДЛО имеют паспорта “ДНР” или “ЛНР”, а 6,8 % — российские» (ИА «Интерфакс-Украина», 09.11.2019); «Уже даже этого достаточно, чтобы назвать блокаду ОРДЛО успешным общественным событием, окончательные последствия которого, правда, пока спрогнозировать нелегко» (Новое время, 06.03.2017); «Украинская делегация в трехсторонней контактной группе

по урегулированию ситуации на Донбассе будет настаивать на отказе от прямого диалога с представителями ОРДЛО, заявил министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба» (Гордон, 16.05.2020); «В то же время не все из этих людей смогли добраться в ОРДЛО. Более 20 человек, которых пропустили украинские пограничники, были “завернуты” боевиками. Российские оккупанты отправляли их в “серую зону”» (Гордон, 11.05.2020).

Топоним *ОРДЛО* присутствует в публикациях украинских СМИ и оппозиционных российских СМИ РФ в качестве альтернативы топонимам, функционирующим в материалах российских СМИ, где широко применяются аббревиатуры *ДНР* и *ЛНР*. Присутствие топонима *ОРДЛО* в милитарном дискурсе вооруженного конфликта имеет прагматические задачи: подчеркнуть локальность происходящего — «отдельные районы», продемонстрировать целостность и управляемость основной государственной территории, относительную малочисленность населения самопровозглашенных республик. Применение топонима подчеркивает официальную позицию украинской стороны об оккупации регионов Россией, что самой Россией категорически отрицается. Таким образом, конфликт интернационализируется, для читателя фиксируется то обстоятельство, что речь идет не о внутриукраинском противостоянии, а о войне между Украиной и Россией, чем косвенно объясняются неудачи украинских вооруженных сил в попытках вернуть контроль за территориями.

Этим же задачам служит употребление в журналистских текстах топонимов *Донецкая Народная Республика* (*ДНР*) и *Луганская Народная Республика* (*ЛНР*): «“Я, генерал-майор вооруженных сил Украины Коломиец Александр Вячеславович, моя последняя должность — помощник министра обороны Украины, главный аналитик вооруженных сил. Буду работать на благо Донецкой Народной Республики”, — сообщил Коломиец в понедельник на пресс-конференции в Донецком агентстве новостей» (Комсомольская правда, 23.06.2015). Называя свои бывшую и нынешнюю должности, герой противопоставляет Украину и непризнанную, но де-факто существующую ДНР, подчеркивая, что ДНР Украиной больше не является. Через использование онима решается задача очерчивания нового политического пространства, осознанность выбора по отречению от старого порядка и незыблемость установленного.

«Донецкая Народная Республика объявила о своем суверенитете и обратилась с просьбой о включении в состав России. Соответствующее заявление сделал сопредседатель правительства ДНР Денис Пушилин, сославшись на итоги референдума, проведенного в Донецкой области 11 мая. По словам Пушилина, высшим органом государственной власти ДНР станет Верховный Совет, который формирует правительство Донецкой Народной Республики и Совет Безопасности. Согласно предварительным результатам референдума, отделение Донецкой области от Украины поддержали 89,07 %, против высказались 10,19 %» (ИА «Интерфакс», 12.05.2014). Использование онима *Донецкая Народная Республика*

позволяет переименовать политико-географическое пространство и пространство вооруженного конфликта, внести новую семантику в именование привычных реалий. «Один сотрудник Народной милиции самопровозглашенной Луганской Народной Республики погиб в результате обстрела со стороны украинских силовиков, заявил в субботу журналистам офицер пресс-службы оборонного ведомства ЛНР Иван Филипоненко» (РИА «Новости», 09.11.2019). Дискурс фиксирует возникновение новых неофициальных топонимов, функционирующих параллельно с официальными. Незаконность, условность наименования новых политических образований подчеркивается в ряде случаев с помощью употребления топонимов в кавычках и путем использования определения *самопровозглашенная*. При этом отсутствие официального признания Российской Федерацией и другими государствами новых политических образований не мешает функционированию их названий в российских СМИ, в том числе государственных, что может говорить как о моральном признании статус-кво, так и о желании четко обозначить границы противостояния самопровозглашенных республик и украинской государственности.

«Глава Луганской Народной Республики Леонид Пасечник подписал указ об учреждении 18 мая Дня Конституции ЛНР. Об этом сообщили в пресс-службе главы республики. В документе отмечается, что данное решение принято с учетом особого значения Конституции в становлении Луганской Народной Республики “как демократического, правового и социального государства”» (ИА РЕГНУМ, 15.05.2020). Использование нового топонима наряду с упоминанием такого важного признака государственности, как наличие Конституции, призвано подчеркнуть не только окончательность политико-географических трансформаций, но и завершение юридического оформления реалий, сложившихся в результате вооруженного конфликта.

Украинские СМИ, употребляя топонимы *Донецкая Народная Республика* и *Луганская Народная Республика* в кавычках, чтобы подчеркнуть нелегитимность терминов, их несоответствие заявляемому статусу, продолжают считать районы Донбасса, вышедшие из-под юрисдикции Украины, Донецкой и Луганской областями Украины: «Боевые действия ведутся между Вооруженными силами Украины и пророссийскими боевиками, которые контролируют часть Донецкой и Луганской областей» (Гордон, 16.09.2016); «Власти Украины уже этой осенью намерены провести местные выборы на всей территории Донецкой и Луганской областей с последующей реинтеграцией оккупированных районов» (Главред, 07.05.2020); «Среди тех, кто поставил себя руководить Донецкой и Луганской “народными республиками”, есть даже не получившие высшего образования» (Гордон, 30.06.2014). Таким образом демонстрируется маргинальность, юридическая ничтожность, случайность и самих «государственных» образований, и их лидеров.

Ощущение несостоятельности самопровозглашенных республик возникает и при прочтении некоторых текстов российских СМИ: «Даже если сдать

ДНР и ЛНР, то все равно санкции отменены не будут, пока Россия не откажется от Крыма. Анализ графика введения санкций наглядно демонстрирует, что Запад, даже если бы не было Донбасса, все равно шел бы на ужесточение санкций» (Известия, 03.12.2015). Термин *сдать* в приведенном контексте показывает, что новообразованные государства являются лишь малозначащими картами в большой политической игре. Их можно сдать в обмен на какие-то политические или экономические преференции — в качестве отступных за отмену болезненных для России санкций. Кроме того, *сдать* часто используется в криминальном сленге в значении ‘предать’, и употребление данного глагола подчеркивает то обстоятельство, что ЛНР и ДНР являются скорее объектами, чем субъектами незавершенного конфликта.

Многими журналистами отмечается «самопровозглашенность» республик. Термин *самопровозглашенные* представляется эвфемизмом, заменяющим другой термин — *незаконные*: «Правительство России разрешило въезжать в страну жителям самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик — ДНР и ЛНР <…> При этом МИД России должен обеспечить необходимое взаимодействие с дипломатическими представительствами соответствующих государств, а Роспотребнадзор — санитарный контроль» (Известия, 23.03.2020). Несмотря на то что ЛНР и ДНР характеризуются в публикации как «самопровозглашенные», цитата содержит также указание на их государственный статус, что говорит о двойственном политическом положении, неполноценном статусе, неполном соответствии смыслу, обозначенному в топонимах.

При использовании топонима-аббревиатуры появляется ассоциация с государствами, названия которых обозначаются подобными аббревиатурами: США, ФРГ. Таким образом подчеркивается полноценность государственности новых политических образований, их статусное равенство всем остальным государствам.

Однако топоним может показывать и обратное: «Хотя с ЛНР обмен планировался по формуле “11 на 7”, трое человек решили остаться на территории Украины, и на оккупированные территории там вернулись четверо человек» (Новая газета, 16.04.2020) — из цитаты видно, что автор говорит об ЛНР как об оккупированной территории Украины, а суверенность новообразования является, по его мнению, не более чем самопровозглашенной.

Отметим, что украинские СМИ тоже часто используют при освещении вооруженного конфликта на востоке страны топонимы *ЛНР* и *ДНР*, однако не соотносят их с Донецкой и Луганской областями, которые, с точки зрения официального Киева, остаются частью Украины: «Спецгруппа Донецкого областного главка полиции с начала года задержала 250 боевиков ДНР и ЛНР. Об этом говорится в сообщении ГУ Нацполиции в Донецкой области» (Главред, 08.11.2015). Следует обратить также внимание на то, что ДНР и ЛНР не разделяются в публикациях украинских СМИ как два государства, топоним *ДНР и ЛНР* употребляется как единый, что показывает принципиальное непризнание

за новообразованными республиками никакого статуса, это только обозначение некоей неподконтрольной украинским властям территории.

Этой же цели служит употребление в публикациях украинских СМИ топонимов *ДНР* и *ЛНР* в кавычках: «В 2015 году он поехал в “ДНР”, а там белый билет и аттестат вспомогательной школы — скорее преимущество» (Аргумент, 02.09.2019). Использование топонимов часто предваряется словами «так называемые», что подчеркивает непризнание украинскими властями статуса территориальных образований, уничижительное отношение к непризнанным политико-географическим новообразованиям: «Вчера на Луганщине террористы так называемой ЛНР из минометов, артиллерии и крупнокалиберных пулеметов обстреляли пгт Станица Луганская» (Аргумент, 30.10.2014); «По оперативной информации, главарь боевиков так называемой ДНР отдал приказ о передислокации всех подразделений боевиков, за исключением группировки “Оплот”, из Донецка в Шахтерск» (Там же).

Обратим внимание, что в ряде публикаций российских СМИ аббревиатуры *ДНР* и *ЛНР* тоже используются в кавычках: «При этом вузы в “ДНР” и “ЛНР” остались на месте, получают бюджетное финансирование в рублях и с разной степенью успешности проходят официальную российскую аккредитацию» (Новая газета. 02.10.2019); «Имеет смысл напомнить: не так давно Андрей Ермак и Леонид Кучма оказались в центре скандала, связанного с их автографами под протоколом о создании в рамках политической подгруппы ТКГ так называемого Консультативного совета, где в качестве возможных участников фигурировали посланцы “ДНР”–“ЛНР”» (Новая газета, 08.05.2020); «Ветераны начинают действия по блокаде торговли с оккупированными территориями, на которой наживают миллионы как главари так называемых “ДНР” / “ЛНР”, так и “украинские” олигархи и чиновники…» (Новая газета, 22.03.2017). Как правило, речь идет о независимых средствах массовой информации или СМИ, которые можно отнести к оппозиционному лагерю, активно критикующих позицию российских властей по отношению к Украине.

Цели уничижительной характеризации непризнанных республик востока Украины служит и употребление таких топонимов, как *Луганда* и *Донбабве*: «Донецк и Луганск — это не Украина и не Россия. Это — совок. В Киеве один из моих собеседников обронил: “Луганда и Донбабве”» (Новая газета, 05.05.2014); «США имеет Луганду — крючок, на котором держит Россию» (Независимая газета, 12.12.2014); «Иными словами, главными итогами неполной последней недели стали убийство террористами нескольких десятков украинских военных и де-факто легализация нового “Приднестровья” на востоке Украины в виде Донбабве и Луганды» (Гордон, 30.06.2014); «Такое поведение апологетов “русского мира” характерно не только для Луганды (так теперь называют Луганскую область), но и для соседней Донецкой области, так называемого Донбабве. По аналогии с африканскими странами, где правит бал автомат Калашникова» (Аргумент, 15.05.2014). Фиксируется также

употребление сложного топонима *ЛуганДония*: «Украине нужно сказать, что “ЛуганДония”, так же как и Крым, — это временно оккупированная агрессором территория» (Главред, 09.02.2017); «“В настоящее время на моем автомобиле ездит ‘председатель верховного совета’ ЛНР Корякин Алексей — тот самый миротворец, который в Минске подписывал документы о признании так называемой Новороссии, а еще правильнее сказать — ЛуганДонии”, — неожиданно заявил беженец российским пропагандистам» (Главред, 18.10.2014).

Такая интерпретация названий самопровозглашенных республик встречается в основном в украинских, а также в оппозиционных российских СМИ, критикующих политику России на востоке Украины. В именованиях просматривается уничижение, достигаемое с помощью языковой игры на словообразовательном уровне: новый топоним образуется по модели названий африканских стран *Уганда*, *Зимбабве*. Устанавливается сходство со странами с разрушенным государственным управлением, нищетой, беззаконием, в которых господствуют бандитские группировки, не подчиняющиеся никому.

Отметим также проводимую параллель с Приднестровьем — еще одной непризнанной республикой, находящейся в состоянии замороженного конфликта, де-юре являющейся частью Молдавии, но неформально поддерживаемой Российской Федерацией.

Если авторы публикаций, критикующих политику России, которая поддерживает самопровозглашенные республики, подбирают или формируют топонимы, позволяющие им уничижительно представлять своим читателям сепаратистские регионы и их власти, то журналисты, занимающие противоположную, провластную, позицию, стремятся задействовать в текстах онимы, выполняющие иные функции. В таких текстах проводится параллель с героическим сопротивлением советского народа гитлеровским войскам во время Великой Отечественной войны. Примером такого использования милитарионимов служит употребление сочетаний *Дебальцевский котёл* и *Иловайский котёл*. «Потери ВСУ и Нацгвардии в Дебальцевском котле, по разным оценкам, составляют от 250 до трех тысяч солдат и офицеров» (РИА «Новости», 18.02.2018); «Прошло уж 4 года со дней разгрома украинских вооруженных сил и националистических батальонов в так называемом Иловайском “котле”. До сих пор украинской стороной засекречена численность погибших в той бойне» (Комсомольская правда, 26.08.2018); «Особо удивительными выглядят ура-патриотические материалы украинских пропагандистов, представляющих “иловайский котел” как символ героизма и мужества украинских бойцов» (Известия, 13.08.2018); «“Мы ждали и готовились к этому не один месяц, и даже, наверное, не один год. Поэтому не только готовы отразить, мы готовы отразить ее так, чтобы напомнить и за иловайский котел, и за дебальцевский. Население и подразделения Вооруженных сил Донецкой Народной Республики просто хотят этот вопрос закрыть и наконец перестать воевать и начать строить свою страну”, — заявил Захарченко» (ИА РЕГНУМ, 07.06.2018).

Обозначение *котел* в милитарном дискурсе военных операций, осуществленных против Вооруженных сил Украины, дает ассоциацию с *котлами* Великой Отечественной войны, когда в результате наступательных действий в безнадежное окружение попадала крупная группировка сил противника, и прежде всего со *Сталинградским котлом*, в котором советскими войсками была окружена и уничтожена гитлеровская армия. Милитарионим позволяет зафиксировать тяжелое поражение Украины в попытке восстановить контроль над мятежными регионами, констатировать неспособность решить проблему вооруженным путем, плохое состояние ее вооруженных сил, не просто отступивших, но и проигравших сокрушительно. Милитарионим также способствует пониманию большого масштаба боевых действий.

Этой же цели служит употребление милитарионима *Одесская хатынь*, который устанавливает связь между трагическим фактом гибели в огне невинных людей в Одессе в результате действий украинских националистов и историей гибели жителей сожженной в Белоруссии фашистами деревни Хатынь: «Многие другие белорусские гражданские активисты поместили на своих страницах траурные иллюстрации и перепечатки из СМИ о пятилетней трагедии, получившей известность также как “Одесская Хатынь” — по аналогии с белоруской деревней, жителей которой сожгли в амбаре каратели во время Великой Отечественной войны» (ИА РЕГНУМ, 02.05.2019); «Трагедия Хатыни повторилась в центре Одессы. “Правый сектор” и ультрас сжигали людей живьем, душили дымом, заставляли выскочивших из окон окровавленных жертв ползти, а затем добивали битами, одному из активистов прямо под видеокамеру отрубили ногу лопатой» (Комсомольская правда, 03.05.2014); «2 мая в Одессе было холодным и пасмурным. Солнце, еще вчера согревавшее город, спряталось за облаками, небо нахмурилось, день “Одесской Хатыни” стал во всех смыслах пасмурным» (РИА «Новости», 02.05.2015).

Именование участников конфликта с помощью антропонимов также позволяет журналистам установить параллель между боевыми действиями периода Великой Отечественной войны и тем, что сегодня происходит на востоке Украины. Это именование происходит по радиопозывным полевых командиров отрядов самопровозглашенных республик, что подчеркивает партизанский характер противостояния неформальных подразделений и регулярной армии Украины. Позывные полевых командиров донбасских ополченцев, противостоящих Вооруженным силам Украины в борьбе за независимость ДНР и ЛНР, стали их новыми именами, закрепленными в дискурсе. Они способствовали мифологизации и романтизации личностей командиров и самих боевых действий, созданию шаблонов восприятия в соответствии с новыми стереотипами массового сознания. Новоназванные герои обрастают реальными и нереальными чертами. Таких позывных много, выделим наиболее показательные.

Так, *Моторола* — командир батальона «Спарта» Арсен Павлов — это уже не сержант запаса, когда-то дослужившийся до незаметной должности

заместителя командира взвода, а командир, чей позывной, взятый по бренду мобильных телефонов, делает его вездесущим и почти всесильным. «16 октября 2016 года 33-летний Моторола был убит в собственном доме в Донецке. В лифте дома, где жил боевик, сработало взрывное устройство» (Новая газета, 31.08.2018); «Захар Прилепин заявил, что данные главы республики Александра Захарченко о том, что лица, причастные к убийству ополченца Михаила Толстых (позывной *Гиви*) и имеющие отношение к убийству командира батальона “Спарта” Арсена Павлова (позывной *Моторола*), полностью совпали с имевшейся у него информацией» (Известия, 02.02.2018).

Бес — антропоним, значение которого раскрывается в результате словообразовательной игры: «Игорь ***Без***лер с позывным “***Бес***” (выделено мной. — *В. А.*) — комендант города Горловка и самый загадочный из полевых командиров ополчения ДНР. Вокруг него ходит множество самых фантастических слухов, которые подогреваются скандальными видео с его участием» (РИА «Новости», 16.07.2014); «Отряд ополченцев из города Горловка под командованием Игоря Безлера (позывной “Бес”) атаковал колонну украинских силовиков между Горловкой и Донецком» (РИА «Новости», 10.08.2014). Антропоним позволяет создать вокруг командира вооруженного формирования миф неуловимого, умного, коварного и жестокого человека, умеющего быть незаметным и сильным, появляться неожиданно и наводить на противника ужас.

Гиви — антропоним, имеющий национальную окраску, хотя реальная фамилия носящего его человека — Толстых. Такой антропоним позволяет выполнять в дискурсе маскировочную функцию, кроме того, он возник по внешнему сходству командира отряда с представителями одного из народов Кавказа: «В сюжете, снятом кем-то из журналистов, видно, как куски земли прилетают прямо под ноги Толстых, в то время как тот продолжает спокойно курить сигарету. За кадром, впрочем, осталась окружающая обстановка — от обстрела Гиви защищала жилая девятиэтажка, под которой он находился во время съемок» (Новая газета, 08.02.2017). Командир батальона показан в реальном бою, которым он мужественно и самоотверженно руководит, подвергаясь риску быть убитым. «“Сегодня в 06:12 в результате террористического акта погиб герой ДНР, командир батальона ‘Сомали’ полковник Михаил Толстых, известный как Гиви. Это продолжение террористической войны, начатой украинскими силовиками против жителей Донбасса”, — заявил журналистам представитель военного ведомства республики» (ИА «Интерфакс», 08.02.2017). Только после смерти полевого командира позывной наконец расшифровывается и виртуальный, мифологизированный герой становится реальным. Антропоним *Гиви* позволяет связать личность полевого командира с качествами, которые обычно приписываются воинам кавказского происхождения: с мужеством, благородством, самоотверженностью. Таким образом, антропоним способствует романтизации и мифологизации образа.

* * *

Проанализировав значительное количество публикаций, посвященных вооруженному конфликту на востоке Украины, мы можем сделать вывод о том, что ономастические единицы (милитарионимы, топонимы, антропонимы) играют большую роль в милитарном медиадискурсе, позволяя фиксировать и далее формировать отношение к образам человека, места событий, военной ситуации, политическому фону, сопровождающему конфликт.

Функционируя в милитарном медиадискурсе, онимы в значительной степени определяют отношение к происходящему, устанавливают контекстуальные цепочки, репрезентируют оценку. Журналист через коннотированные ономастические единицы дает оценку ситуации (как собственную, так и героев публикации), влияет на отношение читательской аудитории к происходящему.

Ономастические единицы, функционирующие в милитарном медиадискурсе, способствуют очерчиванию и формированию пространства конфликта и его границ, часто гораздо более широких, чем географические.

Онимы, таким образом, становятся структурообразующими элементами дискурсивного пространства, устанавливают и переустанавливают связи между элементами дискурса, вносят новую семантику в именование привычных реалий.

Источники

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978.

Исследования

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. 2003. Вып. 3. С. 121–128.

Татарникова Н. М. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилевой черты // Филология и человек. 2012. № 1. С. 84–95.

Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция : дис. ... д-ра филол. наук / Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2014.

Фатеева Н. А. Названия военных событий как особый класс хрононимов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Филология. Журналистика». 2018. № 2. С. 57–59.

Чернышева А. Ю. Военный репортаж как специфический дискурс СМИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 2. С. 67–74.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Journal of Urban and Cultural Studies. 1991. No. 2 (1). P. 59–72.

Lakoff G. Don’t Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction : Chelsea Green Publishing, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 11.12.2019

* * *

Амиров Валерий Михайлович
кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: vestnik-va@mail.ru

Amirov, Valery Mikhailovich
PhD, Associate Professor
Department of Periodicals and Online Publications
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: vestnik-va@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3371-2939

Valery A. Amirov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

FUNCTIONAL FEATURES OF ONOMASTIC UNITS IN THE MILITARY DISCOURSE OF THE DONBASS CONFLICT

The article explores the modalities and features of onomastic units in the media coverage of the Eastern Ukraine military conflict in the Donetsk and Luhansk regions. Based on large empirical data of printed and online publications in Russian and Ukrainian media reporting on the hostilities in Donbass extensively for several years, the author has collected, classified, and analyzed the corpus of onomastic units of the military media discourse. These include place names, such as Donetsk People's Republic (DPR), Luhansk People's Republic (LPR), Luganda, Donbabwe, Debaltsevo pocket, Ilovaysk pocket, ORDLO ("separate districts of Donetsk and Luhansk regions"), Novorossiya, "Odessa Khatyn," as well as the nicknames of field commanders that have become deeply associated with the conflict — Motorola, Bes, Givi. The study examines functional aspects of proper names usage in the media, and their role in shaping a general picture of the Donbass armed conflict for the readers. A special emphasis is made on the weight of onomastic units (militaronyms, toponyms, and anthroponyms) as constructive elements of the military discourse in Eastern Ukraine. In this regard, the presented analysis and its results can contribute to further studies of the media discourse related to armed conflicts of various etiologies and intensities.

Keywords: war, armed conflict, journalism, mass media, military discourse, militaronyms, chrononyms, place names, personal names.

Chernysheva, A. Yu. (2018). Voennyi reportazh kak spetsificheskii diskurs SMI [War Reporting as a Specific Media Discourse]. *Izvestiia Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2, 67–74.

Fateeva, N. A. (2018). Nazvaniia voennykh sobytii kak osobyi klass khrononimov [Names of Military Events as a Special Class of Chrononyms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiia. Zhurnalistika"*, 2, 57–59.

Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa [On the Types of Discourse]. In V. I. Karasik, & G. G. Slyshkin (Eds.), *Yazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Language Personality: Institutional and Personal Discourse] (pp. 5–20). Volgograd: Peremena.

Lakoff, G. (1991). Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Journal of Urban and Cultural Studies*, 2(1), 59–72.

Lakoff, G. (2004). Don't Think of an Elephant! Know your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction: Chelsea Green Publishing.

Olianich, A. V. (2003). Prezentatsionnye strategii v voenno-politicheskom diskurse [Presentation Strategies in Military-Political Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.* 2, 3, 121–128.

Tatarnikova, N. M. (2012). Analiz kommunikativnykh strategii kak sposob izucheniia stilevoi cherty [Analysis of Communication Strategies as an Approach to the Study of Style]. *Filologiia i chelovek*, 1, 84–95.

Ulanov, A. V. (2014). *Russkii voennyi diskurs XIX — nachala XX veka: struktura, spetsifika, evoliutsiia* [Russian Military Discourse of the 19th — Early 20th Centuries: Structure, Specificity, Evolution] (Habilitation dissertation). Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

Received on 11 December 2019